

вещанием: он покинул свои книги, свой дом возле моря, все. Кажется, что это опять предел. Но накопление его жизненного опыта бесконечно. Его взор остановился на животворной простоте. Он будет петь о вещах обыденных. Его стихи становятся более простыми, он отбрасывает усложненные представления.

Рождаются «Простые оды», четыре книги в одной. Куда идти дальше? Он вновь размышляет над основными вопросами бытия и обновляет манеру письма.

Его «Эстравагарно» кажется снова его лебединой песней.

Но ничего не исчезает бесследно в творчестве этого многогранного, плодovitого и щедрого поэта. «Сто сонетов о любви», «Ритуальные песни» — два лучших образца из многих других его стихов.

Поразительное стремление охватить все многообразие природы проявляется в книге «Птицы Чили» — поэт пьет из одной чаши с природой. И он не только приближается к природе, но и привносит в нее элементы своего творчества. Его выдумка, его фантазия безграничны.

Книга «Птицы Чили» оригинальна по замыслу. Вся она построена на метаморфозах. В воображении своем поэт создал не существующих в природе птиц. Вот птица Неруды летит и поет:

Птица Пабло — так зовусь я,
птица одноперая;
я лечу по ясной тени
и по ясности неясной...

(«Птица я»)

Одним взмахом пера — пера художника — он расковывает стих, освобождает его от языковых пут. Поэт совершенно свободен и полон этой «ясности неясной», как он определяет свои стихи.

В его «Простых одах» все предметы одушевлены. В «Птицах Чили» его охотничья стрела быстра и неуловима.

Так поет великий поэт и жизнь, и смерть, и печаль, и любовь, и борьбу, обнимая мир.

ЭЛЬВИО РОМЕРО

ОДНОТОМНИК АПОЛЛИНЕРА

Гийом Аполлинер. Стихи. Перевод М. П. Кудинова. Статья и примечания Н. И. Балашова. Серия «Литературные памятники». Москва, «Наука», 1967. 335 стр.

Гийом Аполлинер во французской поэзии века — первооткрыватель. Истинный сын двадцатого столетия, он яростно, с кровью отдирав от себя липнувшие к телу лохмотья иллюзий и самообмана:

На холсте пейзаж намалеван,
Кровь струится в поддельной реке,
Под раскрашенным деревом клоун
Одиноко мелькнул вдалеке...

и с наслаждением подставлял лицо свежим ветрам времени. Он впитывал новое, что нес

с собою век, поражался невиданным прежде масштабам и скоростям, но за гулом толп и моторов умел расслышать немой стон страдающих сердец. Поэт воспевал и отрицал новый век, всматривался в него, восхищался небывалой технической мощью эпохи, содрогался от его бесчеловечности и рвался в будущее. Многие в этом будущем было еще туманным для него:

Над грядущим и над минувшим
Ворожит непонятный мотив...

Но поэт тянулся ко всему истинно новому и доброму:

Нет! Сумрак никогда зарю не победит.
Пусть вызывает вечер удивленье,
Жизнь по утрам в окно твое стучит.
Питайте к неподвижности презренье!
Я погружаю руки в волны счастья.

И в первых же дошедших до него отголосках Февральской, а затем и Октябрьской революции в России французский поэт признал зарю человечности, побеждающей сумрак насилия.

Аполлинер видел жизнь в ее трагической противоречивости и каждой строкой стремился эту противоречивость выразить, запечатлеть, понять. Новые формы поэтического искусства искал он прежде всего потому, что хотел наиболее гибко и точно сказать об окружающем мире. Аполлинер — это живая лаборатория, kloкочущий тигель новых ритмов, слов, интонаций, рифм, мелодий, походная мастерская по перековке крика улиц и толп в щедрое поэтическое слово, порой непривычное и дерзкое, потому что идет оно от неизведанных жизненных пластов, от непривычных ситуаций, увиденных в действительности.

Аполлинер умер в 1918 году, не дожив до сорока лет. Эстафета его поисков была подхвачена ярчайшими поэтами Франции. Без Аполлинера нет Арагона, Элюара, Десноса, Шара, Превьера, нет Реверди, нет Перса. Он дал толчок развитию самых противоречивых, зачастую даже взаимно исключаящих друг друга тенденций, и длинные вереницы талантливых и бездарных эпигонов тянутся по французской поэзии века, беря начало от тех или иных аполлинеровских опытов, многие из которых были отвергнуты за их бесперспективностью самим поэтом еще на заре двадцатого столетия.

Нежный певец любви, виртуоз стиха, Аполлинер был и злым сатириком, живописцем, автором широких фресок, и оратором, трибуном. Никто среди французских поэтов того времени так провидчески верно, как этот поэт-фронтвик, не запечатлел страшный образ мировой войны, никто из них так беспощадно, как он, не выразил ее ужаса и бесчеловечности. Никто тогда во французской лирике с такой силой не воспел устремленность самого времени к коренным социальным переменам во имя счастья людей.

СРЕДИ КНИГ

Прошло почти полвека со дня смерти Аполлинера, и стихи его прочно вошли во французскую поэтическую культуру. Но вокруг его имени и наследия не утихают споры, кипят страсти. Он удивительно живой поэт, этот классик двадцатого века.

Двуединство классичности и жизненности, «памятника» и современника в Аполлинере прекрасно выражает первое издание Гийома Аполлинера на русском языке, вышедшее в «Науке» в серии «Литературные памятники». Советский читатель получил теперь возможность близко и детально познакомиться с поэтом.

Этот однотомник представляется мне принципиальной удачей. В нем собрано все — или почти все — самое ценное, живое, интересное у Аполлинера-поэта (который был еще и романистом, новеллистом, драматургом, критиком). Учтены здесь и новейшие текстологические изыскания, проведенные на родине поэта.

Включенные в книгу стихи позволяют живо ощутить многообразие поэта, в котором словно бы живет несколько разных Аполлинеров, составляющих творческое содружество. Переводчик Михаил Кудинов точно и бережно, хорошим русским стихом, в котором сохранен «французский аромат» оригинала, передает особенности поэтического мира Аполлинера. Афористично звучат в этом переводе миниатюры из озорного и мудрого «Бестиария», хорошо передано вечное струение Сены под знаменитым — благодаря одноименному стихотворению Аполлинера — мостом Мирабо, неподдельным трагизмом насыщены «Песнь несчастного в любви» и многие фронтальные стихи, естественно передано в русской строфике движение новаторского аполлиеровского верлибра в «Зоне» или в «Маленьком авто», чеканные шестистопные ямбы «Пролетария», прихотливые ритмические узоры «Исфагани», простодушные фольклорно-балладные интонации «Города Оркениза», глубоко поэтичны в своей нарочито внешней прозаичности строки «Облачного призрака».

Равноправной частью книги оказались большая статья Н. И. Балашова «Аполлинер

и его место во французской поэзии» и составленные им же комментарии. В статье Балашова — сочетание научной основательности с увлеченностью изложения. Автор критически освоил то, что написано об Аполлинере в мировой литературе, создав самостоятельную концепцию творчества Аполлинера; он проследил многосторонние эстетические связи поэта с французской поэтической традицией, представил его во взаимодействии с современной ему литературной и художественной средой, тонко проанализировал текст ряда стихотворений. В результате перед читателем предстает живой и сложный человек, поэт-демократ, новатор, озабоченный судьбами гуманистической культуры в двадцатом веке, — поэт во всей противоречивости его устремлений, поисков и находок.

Наверно, таким и должен быть «литературный памятник», созданный бережными и умелыми руками.

МОРИС ВАКСМАХЕР

**ИЗДАНО
ЗА РУБЕЖОМ**

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Immer um die Litfaßsäule rum. Gedichte aus sechs Jahrzehnten Kabarett. Berlin, Henschelverlag, 1965.

Fürs Publikum gewählt — erzählt. Prosa aus sechs Jahrzehnten Kabarett. Berlin, Henschelverlag, 1966.

Mitgelacht — dabei gewesen. Erinnerungen aus sechs Jahrzehnten Kabarett. Berlin, Henschelverlag, 1967.

Весной 1967 года в одном из столичных издательств ГДР, Хеншельферлаг, была опубликована книга под несколько необычным названием «Кто был там, смеялся вместе со всеми» — воспоминания поэтов, писателей и композиторов — авторов немецких литературных кабаре. Этому сборнику предшествовали два других — «Не отходя от афишной колонки» и «Отобрано и рассказано публике», составленных как из сатирических и юмористических стихотворений, баллад, песен и куплетов, так и из фельетонов, скетчей и пародий, написанных для литературных кабаре более чем за 60 лет их существования.

Литературные кабаре — весьма своеобразное явление в культурной и общественной жизни Германии, но о них, к сожалению, пока очень мало написано в самой Германии и почти ничего — в СССР.

Этот трехтомник, вышедший под редакцией Хельги Бемман, — наиболее полное из всех изданий подобного рода, имевшихся до сих пор: в нем представлены почти 70 прозаиков, драматургов и поэтов. Не многие из

